

ДИСКУССИИ

DISCUSSIONS

УДК 81 272

DOI: 10.37892/2713-2951-2020-3-3-114-124

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И РОДНОЙ ЯЗЫК

Владимир М. Алпатов

Институт языкознания РАН, Российская Федерация

Языковая политика существует везде, но она может быть сознательной или стихийной. Она осуществляется не только государственными мерами, но и системой голосования, бизнесом, средствами массовой информации, личными контактами и др. Некоторые языки поддерживаются, другие ограничиваются. Языковая ситуация и языковая политика во многонациональном государстве – результат двух противостоящих потребностей: потребности идентификации и потребности взаимопонимания. Первая потребность состоит в том, что каждый человек желает использовать свой родной язык во всех ситуациях. Использование чужого языка может быть связано с ощущением этнического, культурного и даже политического неравенства. Вторая потребность – потребность общаться с любым собеседником без затруднений. Языковая политика использует разные модели. Самая традиционная учитывает только потребность взаимопонимания: есть официальный язык, он распространяется государством. Статус других языков не привилегирован. Эта политика была обычной на индустриальной стадии общества, но существует и сейчас: США, Япония и др. Другая модель учитывает потребность идентификации. Несколько языков имеют равные права: Швейцария, Бельгия, отчасти Канада. Эта модель была выбрана в России после Октябрьской революции, но главенствующая роль русского языка была неоспарима. В наши дни во многих странах, особенно в Европе, распространен умеренный вариант этой модели: используется преобладающий язык, но языки меньшинств официально поддерживаются; делается попытка учесть обе потребности. Еще одна модель наблюдается в бывших колониях: нет общего языка, кроме языка бывших колонизаторов: английского, французского и др.

Ключевые слова: языковая политика, потребность идентичности, потребность взаимопонимания, модели языковой политики, официальный язык, языки меньшинств

LANGUAGE POLICY AND MOTHER TONGUE

Vladimir M. Alpatov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, the Russian Federation

Some language policy exists everywhere, still it can be conscious or spontaneous. It is realized through the state measures and through system of education, business, mass media, personal contacts, etc. Some languages are supported, the use of other languages is limited. The language situation and the language policy in every multilingual state is a result of two contradictory needs: the need for identification and the need for communication. The first need consists in the wish of every person to use his (her) native language in all situations. The use of an alien language can be connected with the sense of ethnic, cultural and even political inferiority. The second need means the need for free intercourse with any person. The language policy is realized by some models. The most traditional model takes in account only the need for communication: there is an official language; it is spread by the state. The status of the other languages is not privileged. This policy was usual at the industrial stage of society; it exists until now (United States, Japan, etc.). The other model takes into account the need for identification: several languages have equal rights: Switzerland, Belgium, partly Canada. This model was chosen in Russia after the October revolution, however the central role of Russian was unavoidable. Nowadays in many countries, especially in Europe, the moderate variant of this model is used: the predominant language is used, but the languages of minorities are officially supported; there is an attempt to take into account both needs. One more model is spread in the former colonies: there are no common languages in the country except the language of the former colonizers: English, French, and so on.

Keywords: *language policy, need for identification, need for communication, models of language policy, official language, languages of minorities*

Языковая политика в том или ином виде существует везде, где есть государство, хотя оно не обязательно воздействует на язык сознательно. В мире сейчас нет одноязычных государств (близка к этой ситуации была Япония до XIX в., но в наше время и там больше миллиона людей иных национальностей). Всегда одни языки широко распространяются, использование других сознательно или стихийно ограничивается. Если даже нет прямого вмешательства государства, то языковая политика может идти как бы сама собой через систему образования, бизнес, средства массовой информации, человеческие контакты и т. д. Многие люди, пусть чаще всего неосознанно, проводят ту или иную политику, связанную с выбором языка для коммуникации. Но, разумеется, основным проводником языковой политики является государство; в современных обществах государственная политика в той или иной степени осуществляется сознательно.

Любая языковая политика объективно связана с двумя естественными и в то же время противоположными человеческими потребностями, которые можно назвать потребностью идентичности и потребностью взаимопонимания. Об этом я уже не раз писал [Алпатов, 2000: 4–5; Алпатов, 2015: 3 и др.].

Потребность идентичности заключается в том, что «и для общества, и для отдельного индивида комфортнее пользоваться одним языком, преимущественно родным, освоенным

в детстве, так как не нужно прилагать усилий при усвоении второго и третьего языков» [Михальченко, 1994: 223]. Чаще всего это также и язык своего этноса, своей культуры. Пользование другими языками легко связывается с ощущением этнической, культурной, а зачастую и социальной неполноценности. Конечно, возможен и компенсирующий фактор – особая престижность чужого языка.

Потребность взаимопонимания заключается в том, что в ситуации языкового общения каждый из ее участников желает для успеха коммуникации без помех общаться с собеседниками. Понятность языка – необходимое условие такого успеха. В случае разных материнских языков собеседников, по крайней мере один из собеседников должен быть двуязычен (или в случае наличия переводчика добавляется третий (двуязычный) участник).

Обе потребности не противоречат друг другу и автоматически удовлетворяются лишь в полностью одноязычном обществе. Сейчас даже в наиболее этнически однородных странах есть в каком-то количестве люди с иным материнским языком (хотя бы иммигранты), и везде актуально международное общение. Ситуация еще осложняется, если учитывать неоднородность языка: стандартный (литературный) язык, диалекты, просторечие и др.; здесь также возможно непонимание.

Языки могут быть господствующими в том или ином государстве или регионе; если господство закреплено юридически, они называются государственными языками. Государственными являются, например, французский язык во Франции, китайский в Китае, русский в современной России. Однако господствующий язык может формально не являться государственным. Не имеет такого статуса, например, английский язык в Великобритании и на государственном уровне в США (имеет, и то не везде, на уровне штатов); не считался государственным и русский язык в СССР (кроме краткого периода в 1990–1991 гг.). Тем не менее, реальная роль английского или русского языка всегда была аналогична роли государственных языков в других государствах. Бывают и региональные языки, считающиеся государственными лишь в пределах части государства с компактным проживанием соответствующего этноса, например, татарский или адыгейский в современной России. Однако очень часто те или иные языки не имеют государственной поддержки или имеют ее в малой степени, обычно это малочисленные языки коренного населения или иммигрантов.

И в наше время в многоязычных государствах имеется много одноязычных граждан; здесь и далее при рассмотрении вопроса об одноязычии и двуязычии мы не рассматриваем возможное знание иностранных языков и учитываем только вынужденное двуязычие. Оказывается, что одноязычие в данном смысле связано с двумя полярными ситуациями. С одной стороны, одноязычными могут быть целые народы, живущие в обстановке традиционного общества и не контактирующие с носителями других языков, или же самая необразованная и угнетенная часть этноса, прежде всего женщины. Среди испаноязычных пуэрториканцев США отрицательно оценивается знание женщинами английского языка, которое рассматривается как появление нежелательных интересов вне дома, тогда как мужчины двуязычны. С другой стороны, чаще всего одноязычны в данном смысле носители господствующего языка, которые могут быть зажиточными и образованными. Это и русскоязычные граждане в России, и англоязычные граждане в США и Великобритании. Они обычно считают соответствующую языковую ситуацию нормальной.

«Языки в контакте легко делаются языками в конфликте» [Edwards, 1994: 89]. При

общении носителей разных языков какой-то из вышеуказанных потребностей чаще всего приходится жертвовать. Исключение составляет общение при помощи переводчика, но оно технически не всегда возможно и усложняет общение. Другой вариант – стихийная выработка некоторого третьего языка, именуемого пиджином. Такое встречается и в наши дни; зафиксирован русско-финский пиджин в приграничной торговле [Перехвальская, 2007: 261–265], однако чаще всего такие пиджины имеют ограниченное употребление и охватывают лишь лексику, необходимую для данного вида общения (например, торговли). Однако известны и случаи, когда на основе пиджина формируется полноценный язык, такие языки называют креольскими. Иногда возможно и общение при сохранении потребности идентичности, когда каждый собеседник говорит на своем языке и как-то понимает язык другого, но даже в случае близкородственных языков что-то остается непонятым. Обычно же человеку в тех или иных ситуациях независимо от его желаний приходится говорить не на материнском языке и чаще всего на языке не своего этноса. Этот переход может быть нужен для обоих собеседников, когда, например, татарин с марийцем говорят по-русски или швед с испанцем по-английски. Но при общении испанца с американцем по-английски или татарина с русским по-русски один из собеседников удовлетворяет потребность идентичности, и при этом может даже не замечаться, что его партнер вынужден ею жертвовать. Обычно язык общения в таких случаях бывает наиболее престижным, что может компенсировать неудобство перехода на чужой язык, но может и стать причиной конфликта. Языковые проблемы в таких случаях тесно связаны с национальными.

Языковая политика должна как-то реагировать на подобные ситуации. Государственная власть сознательно или бессознательно вырабатывает ту или иную ее модель.

Наиболее традиционная модель была выработана в период формирования национальных государств. Она основана на функционировании единого для государства языка, обычно являющегося наиболее распространенным (он может объявляться государственным, но, как указывалось выше, это не обязательно). Чаще всего в пределах государства у него нет конкурентов. Предпринимаются меры для обучения этому языку, устанавливается его норма, готовятся кадры преподавателей, он внедряется в делопроизводство. Политика одновременно практически удобна, способствуя удовлетворению потребности взаимопонимания, и выгодна для преобладающего этноса, которому не нужно осваивать языки других народов страны. В XIX в. эта модель становится господствующей в Европе и США, хотя она принимается не везде: иначе обстоит дело в Швейцарии, отчасти в Канаде.

Один из примеров – Российская империя, где языковая политика сводилась, прежде всего, к распространению русского языка; это был единственный язык делопроизводства, преобладающий, а в некоторые периоды и единственный язык образования и средств массовой информации, основной язык культуры. До середины XIX в. его распространение происходило в основном стихийно. Более осознанно это стали делать с 60-х гг., при императоре Александре II, во многом под влиянием волнений в национальных районах страны, прежде всего, польского восстания 1863 г. Политика сводилась, в первую очередь, к обрусению. Польский язык заменялся русским в официальных и культурных сферах, украинский язык, считавшийся «наречием» русского языка, допускался лишь для «простонародной» литературы (признание его отдельным языком считалось «польской пропагандой»). Жесткая политика в основном сохранялась до начала XX в.

Эта национально-языковая политика, однако, не была одинаковой для всех языков

меньшинств. Наибольшей жесткостью она отличалась в отношении достаточно развитых языков народов с высоким национальным самосознанием (польский, литовский, грузинский и др.) и языков, которые считались в царское время «наречиями» (диалектными группами) русского языка (украинский, белорусский). В европейской части государства такая политика была более умеренной в имевшей автономию Финляндии, где финский и шведский языки пользовались большими правами (например, на них осуществлялось образование вплоть до высшего). Не было жесткого обрусения в недавно присоединенной к России Средней Азии, среди коренного населения Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера, а также среди горцев Кавказа. Как писала в 1894 г. русская энциклопедия, «обособленное административно-юридическое положение» этих народов «обуславливается низким уровнем их гражданственности... а также своеобразным строем их быта»; по отношению к ним «русское правительство ограничивается лишь взиманием некоторых сборов и надзором над их самоуправлением» [Яновский 1894: 224]. От них не требовалось знания русского языка. Многие из языков этих народов не имели письменности, другие использовали традиционные алфавиты: арабский для мусульман, старый монгольский для монголов-буддистов. В такой ситуации вымирание малых языков еще не было распространено, хотя в более развитых регионах они уже стали вытесняться: это водский, ижорский, ливский языки в районе Петербурга и в Прибалтике.

Но для народов с развитым национальным самосознанием модель была неприемлемой. Наряду с национальной интеллигенцией ее критиковали и в самой России как левые либералы (И.А. Бодуэн де Куртенэ), так и революционеры (В.И. Ленин). Последний еще до революции писал: при желательном устройстве государства «ни один язык не считается государственным и обязательным для всех образованных граждан». «Каждому гражданину предоставляется право сношения с центральными учреждениями государства на своем родном языке. Дело этих центральных учреждений – обзавестись переводчиками со всех языков и на все языки, входящие в состав государства» [Ленин, т. 25: 12–13]. «Русские марксисты говорят, что необходимо: отсутствие обязательного государственного языка при обеспечении населению школ с преподаванием на местных языках» [Ленин, т. 24: 295]. После революции была сделана попытка изменить всю модель.

Даже в предреволюционные годы значительная часть населения не владела русским языком. Еще хуже дело обстоит с овладением литературным русским языком, распространявшимся в это время, прежде всего, через школьное образование. По данным единственной в дореволюционной России всеобщей переписи населения 1897 г., всего в России грамотные составляли 21 % населения, а за вычетом маленьких детей – 27 % [Кашин 1972: 245]. За последующие 20 лет процент грамотных рос, но не достиг половины населения. Однако в ряде стран Европы уже тогда была достигнута всеобщая грамотность, но за счет вытеснения языков меньшинств. И политика была наиболее строгой как раз в передовых странах, таких как Великобритания и Франция. В Ирландии и Уэльсе детей в школах били за речь на материнском, а не на английском языке. И даже в независимой Ирландии реальное, а не символическое общение идет почти исключительно на английском языке. Очень жесткой данная модель была в Японии, что облегчалось в связи с языковой ситуацией, близкой к моноэтнической. Но единственный исконный язык меньшинства – айнский – в XX в. вымер. Во всех перечисленных странах, как и в США, языковая политика была направлена на языковую ассимиляцию. В США иммигрантам помогали и помогают в специальных школах выучить английский язык,

но и долгое время считалось, что их исконные языки им лучше забыть. Там и сейчас влиятельна традиционная концепция «плавильного котла» (melting pot), считающая нормой одноязычие на английском языке.

Сейчас нередко данная модель берется за основу в бывших республиках СССР. На Украине с 2020 г. закрываются школы с обучением на русском и других языках, кроме украинского. Первоначально речь шла о полном переходе на украиноязычное обучение, но под давлением Евросоюза несколько смягчили переход для языков его государств; например, распространенного в Закарпатье венгерского языка, но никак не для русского. А в Туркмении или с 2025, или с 2030 г. также должны закрыться все русские классы в школах [Независимая газета, 18.09.2020]: это государство во всём ориентируется на Турцию, где до недавнего времени преследовалась даже бытовая речь в публичных местах на курдском языке. Надо отметить, что жесткая языковая политика вообще свойственна государствам в процессе становления их государственности, что может иметь тяжелые последствия. Достаточно вспомнить судьбу судетских немцев в Чехословакии.

Однако описанная модель не является единственной и даже в XIX в. не была всеобщей. Уже тогда в Швейцарии (государстве, сложившемся не «сверху», а «снизу», путем объединения кантонов, где говорили на разных языках) отсутствовал единый для всего государства господствующий язык. Для разных частей страны языков, по крайней мере, три: немецкий, французский и итальянский (более ограниченно используется и ретороманский). Швейцарский пример, знакомый многим русским революционерам, по-видимому, повлиял на разработку языковой политики в Советской России и СССР после революции. В последние десятилетия данная модель используется и в Бельгии и Канаде.

В нашей стране после 1917 г. швейцарская модель, максимально удовлетворяющая потребность идентичности, могла служить образцом. Фактически именно об этом говорил в 1921 г. руководивший тогда национально-языковой политикой в стране нарком по делам национальностей И.В. Сталин: «Я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская нация, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном для него языке. Такие же речи раздавались лет пять тому назад об Украине, об украинской нации. А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская нация – выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская нация существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы. Лет сорок тому назад Рига представляла собой немецкий город, но так как города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национальностей, то теперь Рига – чисто латышский город. Лет пятьдесят тому назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризированы. То же самое будет и с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают небелорусы» [Сталин, т. 5: 48–49]. Показательны такие его слова того же времени: «Для того, чтобы советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт. Только тогда, и только постольку Советская власть, являвшаяся до последнего времени властью русской, станет властью не только русской, но и интернациональной, родной для крестьян и средних слоев ранее угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти

в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке» [Сталин, т. 5: 241].

Однако модель не могла быть использована в чистом виде хотя бы из-за того, что распространенных языков было не три или четыре, а много больше, а государство было значительно более централизовано, чем Швейцария. Поэтому в реальности была использована некоторая промежуточная модель. Имеется один господствующий язык (в данном случае русский), а другие языки имеют права и поддерживаются государством на региональном уровне. Преобладает одноязычие среди господствующего этноса и двуязычие – среди меньшинств. В первые годы после революции была распространена идея о том, что русский язык не должен принудительно распространяться, а в СССР «гражданином мира можно стать и без посредства русского языка», как писал в 1932 г. академик-китаист В.М. Алексеев [Алексеев, 1932: 54]. Цель новой политики, которую стремились строить на научных принципах, заключалась в том, чтобы каждый гражданин независимо от национальной принадлежности мог пользоваться во всех сферах жизни материнским языком и овладеть на нем высотами мировой культуры. Разумеется, в этом было немало утопического. Кстати, и В.И. Ленин признавал: «Потребности экономического оборота сами собой определяют тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений» [Ленин, т. 23: 424]. Однако необходимость всеобщего знания русского языка в 20–30-е гг. недооценивалась. Но сделано тогда было много. В резонанс вступили позиция власти, исходившая из стремления развивать все языки, включая самые малые, и деятельность интеллигентов (русских и представителей самих малых народов). Один из западных социолингвистов впоследствии писал, что даже самый крайний противник советского строя не может не признать эти достижения [Crisp, 1989: 36].

Однако с конца 1930-х гг. языковая политика в СССР значительно изменилась: при сохранении прежних лозунгов в центре внимания теперь было распространение русского языка, а развитие языков меньшинств если и шло, то в основном по инерции. Ставилась задача сделать русский язык «вторым родным языком» (или первым) для всех в стране. Этот процесс практически всем русским населением и значительной частью граждан других национальностей воспринимался как естественный: незнание русского языка ограничивало социальную мобильность и возможности получить полноценное образование. Однако национально ориентированные нерусские интеллигенты могли быть недовольны форсированным распространением этого языка; где-то, особенно в Прибалтике и Западной Украине, недовольство имело широкую базу. Противоречия загонялись вглубь, что содержало потенциальную опасность. В годы «перестройки» они вышли наружу.

В последние десятилетия модель, сходную с советской (особенно в ранний ее период), выбрали и многие государства Европы (а также Австралия). Когда-то мы были здесь впереди, теперь многие страны, особенно в Европе, нас опередили. Бесспорно, надо знать и использовать зарубежный опыт.

Вот, например, современная ситуация в Уэльсе (Великобритания). «Уэльс оказался тем регионом, который наиболее конструктивно смог противостоять ассимиляционным процессам и подойти к периоду новых реформ в XX веке в состоянии, способствовавшем более активному возрождению валлийского языка... В Уэльсе проводимая в XX веке языковая политика демонстрирует положительную динамику развития регионального языка» [Гатауллина, 2020: 9–10]. «Прогноз, рассчитанный с учетом актуальной динамики, демонстрирует стабильный рост числа свободно владеющих валлийским через систему

образования до 2050 года» [Гатауллина, 2020: 20].

В течение многих столетий языковой сдвиг, связанный с вытеснением малых языков, в том числе и в Европе, происходил однотипно. Эти языки исчезали в городе раньше, чем в деревне, и среди образованных людей они вытеснялись раньше, чем среди недостаточно образованного населения. Малые языки имели невысокий престиже, и повышение социального статуса традиционно связывалось с овладением господствующим в государстве языком. Уэльс, как и Шотландия и Ирландия, до середины XX в. не был исключением. Но сейчас в Уэльсе мы отчетливо видим обратный процесс: местный язык пользуется поддержкой именно образованного населения, которое, конечно, не перестает пользоваться английским языком, но охотно культивирует двуязычие. Нельзя сказать, что этот процесс уникален или появился только сейчас: достаточно указать на чешский язык. Ситуация в Уэльсе, по-видимому, связана с ее сравнительной простотой. В этой части Великобритании распространены лишь два языка, валлийский язык распределен по всей территории Уэльса, и вопрос о независимости там не стоит.

Бывает, однако, и так, что принципы языковой политики, в том числе в отношении языков меньшинств, однотипны и проводятся одним и тем же правительством, но результаты оказываются различными. Уэльский (валлийский), ирландский (в том числе в Северной Ирландии) и шотландский (гаэльский) языки в течение нескольких столетий активно вытеснялись английским языком. Однако с XX в. при общем изменении политики в их отношении языковые ситуации там различны. В Северной Ирландии и Шотландии, несмотря на поддержку малых языков со стороны правительства, «языковая ситуация характеризуется намного более низкими количественными показателями» их распространения [Гатауллина, 2020: 21].

Почему такое различие? В Шотландии осложняющим фактором, видимо, является наличие не двух, а трех языковых образований и распространение гаэльского языка не на всей территории. Так называемый шотландский диалект английского языка имеет более прочные позиции, чем лишь отдаленно родственный английскому гаэльский язык, и именно он многими в Шотландии воспринимается как национальное достояние, а гаэльский язык – чужой для большинства населения. В Северной Ирландии же, по-видимому, влияет политика: вопрос об объединении ее с Ирландской республикой не потерял актуальности.

Для полноты картины надо упомянуть и четвертую модель, при которой господствующий язык не преобладает по числу носителей. Она распространена в бывших колониях, где язык колонизаторов (английский, французский, португальский) не только наиболее престижен, но и является единственным языком, распространенным на всей территории государства. Остальные языки имеют лишь региональное значение, и попытки их повсеместного распространения (например, хинди в Индии в 1960-е гг.) имели печальные последствия.

А какой модели надо следовать в современной России? Меры, предпринимавшиеся властью в годы «перестройки», имели оборонительный характер. Одной из таких мер было объявление русского языка в апреле 1990 г. государственным, но этот запоздалый акт уже не мог дать результатов. Еще до распада СССР начался переход некоторых языков с кириллицы на латиницу. Процесс вытеснения русского языка до 1991 г. проходил и в РСФСР, и в других республиках. Однако затем в других новых государствах (исключая Белоруссию) он продолжался, тогда как в Российской Федерации языковая ситуация и языковая политика существенно не могли измениться по сравнению с советским

временем. Ко времени образования РФ (перепись 1989 г.) нерусское население СССР составляло лишь 18,5 %, включая и тех из них, кто владел только русским языком. Роль русского языка осталась преобладающей и сохраняется такой и сейчас, на этом и основывается языковая политика в государстве. Однако она велась, а во многом ведется и сейчас преимущественно стихийно. Если в большинстве образовавшихся в 1991 г. государств сознательно была поставлена задача снизить социальную роль русского языка, то в России всё в основном определяли «потребности экономического оборота». Роль русского языка резко упала за пределами России, но в России (исключая некоторые области наук, в основном естественных, где он вытесняется английским) ему ничего не может угрожать по объективным причинам. В отношении русского языка главной заботой языковой политики должно быть поддержание и укрепление его нормы, которая была заметно расшатана в последние 30 лет.

Гораздо сложнее ситуация с другими языками России, особенно малыми. При господстве рыночной экономики они стихийно вытесняются русским. Поддержка малых языков – принципиально нерыночная мера; недаром ею много занимались в СССР, а за рубежом больше всего – при социал-демократических правительствах. У нас сфера школьного образования в основном остаётся государственной, здесь не ставится задача извлечения прибыли. Но и преподавание на малых языках у нас уменьшилось по сравнению с 90-ми годами, хотя и превышает то, что было в 60–80-е годы. Трудностей очень много, но есть и принципиально решаемые, и не поддающиеся (или с трудом поддающиеся) решению. Конечно, не хватает педагогов, учебников, финансирования, не для всех языков разработана литературная норма. Но всё это в принципе можно решить. Самое трудное – проблема мотивации, о которой сейчас много говорят.

Какая может быть мотивация для изучения (в частности, школьного) того или иного языка? Можно, вероятно, выделить три мотива, каждый из которых не исключает остальные: интерес, престиж и выгода.

Языки можно учить из чистого интереса. Людей, увлечённых освоением языков, не говоря о полиглотах, можно встретить. Вероятно, интерес – главная причина для овладения языками детьми. Но у старших детей и у взрослых он часто разрушается соприкосновением с жизнью. Везде в России нужен русский язык, для многих существенно и знание иностранных языков, но зачем надо знать калмыцкий или адыгейский язык, не говоря уже о языках, которым владеет несколько десятков человек?

Престиж языка, наоборот, исключительно важен. Из истории мы знаем много примеров его роли. В Японии в период американской оккупации (1945–1952), когда оказались дискредитированы другие национальные ценности, свой язык, который не осваивали американцы, сыграл роль основы идентичности. В первой половине XIX века чешский язык был почти вытеснен немецким языком, и предсказывали в скором будущем его полное исчезновение, но национальное возрождение поддержало его престиж, и это способствовало восстановлению государственности. Сейчас в Европе повышается престиж самых малых языков: фризского, ретороманского и др.; выше говорилось о валлийском языке. Можно ли на это рассчитывать в России? Эта проблема – палка о двух концах: подъём национального самосознания может приводить к росту национализма. Но в реальности для исчезающих языков актуальнее обратное: полное отсутствие престижности своих языков и своей культуры. Что тут делать? Возможно, видимо, сохранение престижа если не во всём, то хотя бы в каких-то сферах, прежде всего, эмоциональных. Как говорила одна норвежская саамка, она владела норвежским

языком, но плакать могла лишь на своем языке [Skutnabb-Kangas, 1983: 48–54]. И может ли поднять престиж языка Сибири развитие в нём оленеводческой терминологии, которая не может быть адекватно переведена на русский язык?

Наконец, выгода. Можно не любить какой-то язык, но понимать необходимость его знания для любого продвижения вверх. В России так обстоит дело с русским языком. Жалобы на снижение уровня его знания постоянно раздаются в национальных субъектах Федерации, хотя нередко такие жалобы – замаскированный протест против преподавания других языков России. Однако может ли быть выгодно знание малых языков? Трудно представить ситуацию, при которой выгода возникала естественным путем. Но можно её стимулировать. Платили же в советское время надбавки за знание редких иностранных языков. Может быть, стоило бы платить за знание малых языков хотя бы государственным служащим, работающим в соответствующих регионах. Эта проблема, конечно, дискуссионна.

И совсем низок престиж этих языков среди русскоязычного населения. Бывало, что носители русского языка предпочитали изучению малого языка переезд в другой регион.

Что ждет образование на малых языках в будущем? Не надо сворачивать это образование: пусть даже выпускникам знание этих языков практически не понадобится, но что-то в памяти может остаться. Каждый язык – это особая культура, особый взгляд на мир, способ выражения эмоций, и не хотелось бы это терять.

Литература

- Алексеев В.М. (1932) Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. Ленинград: Изд-во Академии Наук СССР. 178 с.
- Алпатов В.М. (2000) 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: КРАФТ+ИВ РАН, 224 с.
- Алпатов В.М. (2015) Языковая политика в России и мире. Известия РАН. Серия литературы и языка, № 1. С. 3–10.
- Гатауллина К.Н. (2020) Региональная языковая политика Уэльса, Северной Ирландии и Шотландии: сравнительный анализ. автореф... дис. кан. наук. Казань, 23 с.
- Кашин М.П. (1972) Грамотность. Большая советская энциклопедия, т. 7. М.: Советская энциклопедия.
- Ленин В.И. (1965) Сочинения. Изд.5-е. М., 1965.
- Михальченко В.Ю. (1994) Национально-языковые конфликты на языковом пространстве бывшего СССР. Язык в контексте общественного развития. М.: Институт языкознания РАН, с. 221–235.
- Независимая газета (2020). 18 сентября, М.
- Перехвальская Е.В. (2007) Сибирский пиджин (Дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура Дисс.... докт. филол. наук. СПб., 283 с.
- Сталин И.В. (1947) Сочинения, т. 5. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы.
- Яновский А.Е. (1894) Инородцы. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 25, СПб., с. 224.
- Crisp, S. (1989) Soviet Language Planning. 1917–1953. Language Planning in the Soviet Union. London, https://doi.org/10.1007/978-1-349-20301-7_2
- Edwards, J. (1994) Multilingualism. London / New York, 237 p.
- Skutnabb-Kangas, T. (1983) Bilingualism or Not. The Education of Minorities. Clevedon: Multilingual Minorities, p. 378.

References

- Alekseev, V.M. (1932) Kitajskaya ieroglificheskaya pis'mennost' i ee latinizaciya [Chinese hieroglyphic writing system and its romanization]. Leningrad, 178 p. (in Russ.)
- Alpatov, V.M. (2000) 150 yazykov i politika. 1917–2000. Sociolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva [150 languages and policy. Sociolinguistics problems of the USSR and Post-Soviet space]. Moscow: KRAFT+IV RAN, 224 p. (in Russ.)
- Alpatov, V.M. (2015) Yazykovaya politika v Rossii i mire [Language policy in Russia and other countries]. Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka, no. 1, pp. 3–10. (in Russ.)
- Gataullina, K.N. (2020) Regional'naya yazykovaya politika Uel'sa, Severnoj Irlandii i Shotlandii: sravnitel'nyj analiz [Regional language policy of Wales, Northern Ireland and Scotland: a comparative analysis]. avtoref... dis. kan. nauk. Kazan, 23 p.
- Kashin, M.P. (1972) Gramotnost' [Literacy]. Bol'shaya sovetskaya enciklopediya, Vol. 7. Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (in Russ.)
- Lenin, V.I. (1965) Sochineniya [Works]. Vol. 5. Moscow, 1965. (in Russ.)
- Mikhalchenko, V.Yu. (1994) Nacional'no-yazykovye konflikty na yazykovom prostranstve byvshego SSSR [National and linguistic conflicts in the linguistic space of the former USSR]. Yazyk v kontekste obshchestvennogo razvitiya. Moscow: Institut yazykoznanija RAN, pp. 221–235. (in Russ.)
- Nezavisimaya gazeta (2020). 18 September, Moscow. (in Russ.)
- Perekhval'skaya, E.V. (2007) Sibirskij pidzhin (Dal'nevostochnyj variant). Formirovanie. Istorija. Struktura [Siberian pidgin (Far Eastern variant). Formation. History. Structure]. Diss.... dokt. filol. nauk. Saint Petersburg, 283 p. (in Russ.)
- Stalin, I.V. (1947) Sochineniya [Works], Vol. 5. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. (in Russ.)
- Yanovsky, A.E. (1894) Inorodcy [Foreigners]. Enciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. Vol. 25, Saint Petersburg, 224 p. (in Russ.)
- Crisp, S. (1989) Soviet Language Planning. 1917–1953. Language Planning in the Soviet Union. London. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-20301-7_2.
- Edwards, J. (1994) Multilingualism. London–New York, 237 p.
- Skutnabb-Kangas, T. (1983) Bilingualism or Not. The Education of Minorities. Clevedon: Multilingual Minorities, 378 p.

Алпатов Владимир Михайлович – академик РАН, доктор филологических наук, профессор, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: v-alpatov@iling-ran.ru

Для цитирования: Алпатов В.М. Языковая политика и родной язык [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2020, № 3(3). С. 114-124. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-3-3-114-124

For citation: Alpatov V.M. On mother language. Sociolinguistics, 2020, no. 3(3) [online], pp. 114-124. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2020-3-3-114-124